

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

"А право, - с улыбкой подумал Волков, сидя вечером в собрании сельскохозяйственного общества, - нигде так не развиваются способности к живописи, как на заседаниях! Ишь, как старательно выводят!"

Головы сидящих за зеленым освещенным столом были наклонены; все рисовали - вензеля, монограммы, необыкновенные профили. Чай, бесшумно разносимый сторожами, изредка прерывал эти занятия. Спор вице-президента с одним из членов общества на время оживил всех; но доклад, который монотонно начал читать секретарь, снова заставил всех взяться за карандаши. Рассеянно глядя на белую руку президента, в которой дымилась папироса, Волков почувствовал, что его трогают за рукав: перед ним стоял его товарищ по агрономическому институту и сожитель по меблированным комнатам, поляк Свида, высокий, худой и угловатый в своем старом мундире.

- Здравствуйте, - сказал он шепотом, - о чем речь?

- Доклад Толвинского: "Из практики сохранения кормовой свекловицы".

Свида сел и, протирая снятые очки, утомленными глазами посмотрел на Волкова.

- Там вам телеграмму принесли, - сказал он и поднял очки, разглядывая их на свет.

- Из института? - быстро спросил Волков.

- Не могу знать.

- Из института, верно, - сказал Волков.

И, поднявшись торопливо, на цыпочках пошел из залы. В швейцарской, где уже не надо было держать себя напряженно, он вздохнул свободнее, быстро надел шинель и вышел на улицу.

Дул сырой мартовский ветер. Темное небо над освещенной улицей казалось черным, тяжелым пологом. Около колеблющихся в фонарях газовых рожков видно было, как из этой непроглядной темноты одна за другой неслись белые снежинки. Волков поднял воротник и быстро пошел по мокрым и блестящим асфальтовым панелям, засовывая руки в карманы.

"И чего только не рисуют, - думал он. - И как старательно!"

Темнота, сырой ветер, треск проносящихся экипажей не мешали его спокойному и бодрому настроению. Телеграмма, верно, из института... Да она теперь и не нужна. Он уже знал, что через полмесяца будет помощником директора опытного поля; перевезет туда все свои книги, гербарии, коллекции, образцы почв... Все это надо будет уставить, разложить (он уже ясно представлял себе свою комнату и себя самого за столом, в блузе), а затем начать работать серьезно - и практически, и по части диссертации...

- "Восста-аньте из гробов!" - пропел он с веселым пафосом, заворачивая за угол, и столкнулся с невысоким господином, у которого из-под шапки блеснули очки.

- Иван Трофимыч?

Иван Трофимыч живо вскинул кверху бородку и, улыбаясь, стиснул руку Волкова своею холодною и мокрою маленькой рукою.

- Вы откуда?

- Из сельскохозяйственного, - ответил Волков.

- Что же так рано?

- "По домашним обстоятельствам". А вы?

- Из конторы. Работаем, батенька...

- У вас, значит, и вечерние занятия?

- Да, то есть нет, только весною - к отчету подгоняем... Да скверно, знаете... Даже не скверно, собственно говоря, а прямо-таки - подло... Бессмыслица...

Иван Трофимыч запустил руки в карманы и съежился в своем пальтишке с небольшим, потешным воротником из старого меха.

- Почему? - спросил Волков. Иван Трофимыч встрепенулся.

- То есть как почему? Да на кой черт кому нужна эта работа? Какой смысл, позвольте спросить, в этих пудо-верстах, осе-верстах, пробегах и во всяких этих столах переборов и всяческих ахинеях?

- Ну, положим, смысл-то есть...

- Белиберда! - воскликнул Иван Трофимыч с сердцем. Волков снисходительно улыбнулся.

- Ну, идите куда-нибудь еще, - сказал он спокойно